

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Тифлисъ: въ Редакціи, находящейся при Типографіи, что на Александровской площади; а также въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С.-Петербургу: въ Конторѣ газеты «Кавказъ», при книжномъ магазинѣ поч. гражд. В. П. Печаткина, и въ Газетной Экспедиціи. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи московскаго почтамта. Въ губерніяхъ: въ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

КАВКАЗЪ,

ТИФЛИССКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

1856

УСЛОВІЯ ПОДПИСКЫ:

За газету «Кавказъ» съ казенныхъ прибавленій 9 р.
 Съ казенными прибавленіями . . . . . 12 р. 50 к.
 За одинъ казенный прибавленій . . . . . 5 р.
 Съ частныхъ объявленій, печатаемыхъ въ газетѣ, взимается по ¼ коп. серебромъ съ буквы.

СОДЕРЖАНІЕ:

Внутренніи извѣстія. Высочайше приказаны отъ 18 февраля, и о чинахъ гражд. 12 февраля. Высоч. Имен. Указы. Извѣстія изъ Крыма. 18-е февраля 1856.
Кавказская лѣтопись. Приказъ по Корпусу отъ 2 марта. Тифлисская современность.
Иностранныи извѣстія. Англія. Франція. Данія. Турція. Персія.
Литературный отдѣлъ. Кёръ-оглу, ст. С. Пена. Театральныи замѣтки, П. Е.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

по отдѣльному кавказскому корпусу и войскамъ къ нему прикомандированнымъ.

Февраля 18-го дня 1856 года. Увольняется отъ службы за болязнию. По Пехотѣ. Запаснаго баталіона Ашшеронскаго Пехотнаго полка Штабсъ-Капитанъ *Зеленскій*, Капитаномъ и съ мундиромъ. Высочайшимъ приказомъ по Военному ведомству о чинахъ Гражданскихъ, февраля 12-го дня 1856 года, опредѣляется въ службу изъ отставившихъ. По части Провіантской. Губернскій Секретарь *Гурьенбековъ*, въ Полевую Провіантскую Комиссію Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Провіантскимъ Комиссіонеромъ.

Высочайшими Именными Указами, данными Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше пожалованы кавалерами: *Ордена Св.Равноапостольнаго Князя Владимира четвертой степени съ бантомъ*: 1855 года іюля въ 24-й день, въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ разновременныхъ дѣлахъ съ непріателемъ, въ теченіе 1853 года, на Лезгинской Кордонной линіи, Поручикъ Мингрельскаго Егерскаго полка *Ищенко*. *Ордена Св. Анны второй степени, Императорскою короною украшеннаго*: Въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ дѣлѣ съ непріателемъ, 8-го сентября 1854 года, при р. Алмѣ, Командиръ Конно-Артиллерійской бригады Кавказскаго Ливійскаго Казачьяго войска, состоящій по Полевой Конной Артиллеріи Полковникъ *Бенардосъ*. *Тою же ордена и степени, безъ украшенія*: Въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ разновременныхъ дѣлахъ съ непріателемъ, въ теченіе 1853 года, на Лезгинской Кордонной линіи, Командиръ Грузинскаго Ливійскаго № 11-го баталіона, Подполковникъ *Крузе 3-й*; Капитанъ Мингрельскаго Егерскаго полка *Яннау*. *Тою же ордена третьей степени, съ бантомъ*: Въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ разновременныхъ дѣлахъ съ непріателемъ, въ теченіе 1853 года, на Лезгинской Кордонной линіи, Командиръ Новозакатальскаго Артиллерійскаго гарнизона, Подполковникъ *Старченковъ*; Мингрельскаго Егерскаго полка, Штабсъ-Капитанъ *Барабашевъ*. *Тою же ордена четвертой степени, съ надписью: «за храбрость»*: Въ воздаяніе за отличное мужество и храбрость, оказанныя въ разновременныхъ дѣлахъ съ непріателемъ, въ теченіе 1853 года, на Лезгинской Кордонной линіи, Поручики Мингрельскаго Егерскаго полка: *Сулхановъ 2-й* и *Домухановъ 1-й*.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ КРЫМА.

Уполномоченными воюющихъ державъ было постановлено въ Парижѣ, чтобы Главнокомандующіе нашихъ и непріятельскихъ войскъ заключили перемиріе, которое кончится 19-го (31-го) марта, если прежде сего срока оно не будетъ возобновлено съ общаго согласія. Перемиріе это не должно имѣть вліянія на блокаду нашихъ береговъ, уже учрежденную, или имѣющую быть установленною; но начальствующіе морскими непріятельскими силами получать повелѣніе—въ продолженіе онаго не предпринимать никакихъ непріятельскихъ дѣйствій противъ бережныхъ нашихъ владѣній.

Нынѣ Генераль-Адъютантъ *Лидерсъ* доноситъ по телеграфу, что, на основаніи вышеизложеннаго постановленія, 17-го февраля, уполномоченные обѣихъ воюющихъ сторонъ въ Крыму вѣли первое свиданіе на р. Черной, у Каменнаго моста, и условились прекратить военныя дѣйствія, о чемъ уже отданы въ нашей и непріятельской арміяхъ надлежащія приказанія.

(Русск. Инвал.)

18-е февраля 1856 года.

Въ ту минуту, когда колышущаяся Россія возсылаетъ молитвы за упокой души Императора Николая I, когда Царственная

Семья Его льетъ слезы надъ свѣжею могилою Великаго Государя, почти 30 лѣтъ украшавшаго Престолъ Прародительскій Своими добродѣтелями, остановимся мыслію на прошломъ.

Вступая на Всероссийскій Престолъ и возлагая на Себя вѣнецъ Мономаха, Императоръ Николай, въ словахъ манифеста 22-го августа 1826 года, какъ бы пророчески изобразилъ всю жизнь Свою, посвященную заботамъ о дорогомъ Отецествѣ и подвигамъ для его славы и величія.

Такъ, изливая безчисленныя благодѣянія на народъ Свой, великодушно милуя заблудшихъ, подавая руку помощи страждущимъ, Императоръ обратился къ Россіи съ слѣдующими многозначительными словами: «Постановляя все вышеизображенныя изытїя, облегченїя и милости, Мы съ удовольствіемъ слѣдуемъ движенію «Нашего сердца. Да будутъ они залогомъ непрерывнаго, Нашего «о вѣрныхъ нашихъ подданныхъ попеченія. Да утвердятся законъ «и правда въ судилищахъ, порядокъ и безкорыстіе въ градскихъ «и земскихъ управленіяхъ, свобода въ торговлѣ, соревнованіе въ «промышленности, трудолюбіе въ земледѣліи, добрая вѣра и не- «нарушимость въ обязательствахъ, неприкосновенность въ собственности, паче же всего, да будетъ страхъ Божій и твердое «отечественное воспитаніе юношества основою всехъ надеждъ къ «лучшему, первую потребностью всехъ состояній.

«Успѣхъ сихъ желаній въ рупцѣ Божіей.—Но въ преданности и «довѣрїи къ Промыслу, и съ твердою волею, съ непоколебимымъ «вниманіемъ, не престанемъ Мы стремиться къ постепенному ихъ «совершенію, и въ семъ поставимъ единственное Наше утѣшеніе, «всю награду трудовъ, цѣль всехъ мыслей и дѣйствій. Да по- «чтеть Всевышній все дни жизни Нашей—днями счастья и славы «любезнаго Отечества Нашего.»

Какъ истинный сынъ Россіи исполнилъ Императоръ Николай I Свое Царственное слово—и едина закрывшаяся могила, въ которой заснулъ Онъ непробуднымъ сномъ въ ту минуту, когда Европа сознала величіе и силу Россіи, краснорѣчивѣе всехъ словъ говорить, что, считая дни Свои днями счастья и славы Отечества, Великій Государь забывалъ о Себѣ, какъ о человѣкѣ; истощилъ могучія силы въ великомъ дѣлѣ, и Русскій Вышеносецъ Своею жизнію и кончиною свято оправдалъ слова Писанія: «Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други Своя»....

Россія Имъ жила, какъ жилъ и Онъ Россіей.

Онъ первый былъ изъ насъ—не властью, не вѣщомъ, Но тѣмъ, что, духъ сроднивъ съ народною стихіей, Онъ русской доблести былъ высшимъ образцомъ.

Въ Немъ зрѣлся Русскій Царь: станъ стройный, величавый; Орлиный взглядъ; чело запечатлѣла честь; Плеча, могущія подыять судьбы державы, Готовыи народъ чрезъ бездну перевести.

И духъ державный въ Немъ подъ ростъ Его былъ стану. Онъ Вышеносецъ былъ и духомъ и челою. Царь-рыцарь, вѣренъ былъ Онъ царственному сану; Царь-честный человекъ, Онъ чести былъ рабомъ.

Желѣзной волей былъ Онъ крѣпокъ и упоренъ, Затѣмъ, что въ совѣсти Онъ закалялъ ее, Что долгу, какъ земной святины, былъ покоренъ И посвятилъ ему Свой путь и бытіе. . . . .

Онъ жилъ Царемъ; какъ Царь и умеръ смертью славной: Послыша, что Его грядущій часъ зоветъ, Дѣла земныя сдалъ нашъ труженикъ державной, Небесному Царю готовясь дать отчетъ.

И смертный одръ Его возросъ другимъ престоломъ, Который всехъ земныхъ престоловъ выше сталъ; И никогда еще столь царственнымъ глаголомъ, Какъ въ часъ послѣдній, Царь души не обнажалъ.

Душа созрѣла въ Немъ подъ зноємъ испытаній И свѣтлой красотой покорства облеклась, Зажглась кадильницей святыхъ благоуханій И къ небу, жертвою вечерней, вознеслась. . . . .

Мирскую лѣтопись царей и царствъ прочтете, Прекраснѣй смерти сей въ преданіяхъ не сыскать, И умильнѣй картины не найдете, Какъ этотъ смертный одръ, походную кровать

Свой царственный походъ свершившаго во славу, Того, Кто тридцать лѣтъ, какъ воинъ на стѣнѣ, Съ престола прослужилъ народу и державѣ, Родной твердыни стражъ и щитъ, внутри и внѣ. . . . .

Общій гласъ современниковъ и уже наступившаго потомства наименовалъ Николая I замѣчательнѣйшимъ изъ людей, когда-либо являвшихся на поприщѣ исторіи: рыцарь по характеру, великодушнѣе, твердой исполнителности слова; христіанинъ по смѣ-

(*) Изъ превосходнаго стихотворенія князя Вяземскаго—*Плачъ и Утѣшеніе* 18-го февраля и 17-го апреля 1855 года.

ренію и покорности Промыслу; солдатъ по простотѣ и суровости жизни, Русскій Православный Государь и надежная опора порядка и законности въ самыя смутныя годины, Николай I стоялъ выше событій и земныхъ увлеченій. Всмотрѣвшись въ прошлое и будущее Россіи, Онъ положилъ въ основаніе Своей родной земли тѣ великія начала, которыя дали нашему Отецеству твердость, силу и единство—вѣковѣчный залогъ будущаго развитія и совершенствованія.

Исторія исчислитъ все, что сдѣлалъ Почившій въ Бозѣ Государь для любезной сердцу Его Россіи; потомки убѣдятся, что не было той потребности Отечества, на которую бы не обратилось царственное вниманіе Николая I—все видѣлъ, всему доброму, полезному и великому сочувствовалъ доблестная душа Его. Другимъ предоставлялъ Онъ честь и славу подвига—Свѣя трудъ и опасность, какъ будто постоянно раздавался въ Его слухъ слова Великаго Петра, сказанныя въ день полтавскаго сраженія: «А о Петръ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога;—жила бы только Россія въ славу и благоденствіи для благосостоянія вашего».

Послѣднюю мыслію Николая I была мысль объ арміи, попеченіи о которой были предметомъ Его постоянной заботливости; Онъ какъ-бы жалѣлъ, что сдѣлалъ для нея еще не все, потому что «не могъ или не умѣлъ».

Утѣшься, тѣнь великая!.. Армія Русская явилась достойною Твоихъ благодѣяній. . . Окровавленные развалины Севастополя и паденіе Карса говорятъ цѣлому міру, что, по завѣту благополучно Царствующаго Державнаго Сына Твоего, живеть въ Русской Арміи священное имя Николая на страхъ врагамъ и славу Отечества.

ПЕТРЪ ЛЕБЕДЕВЪ.

(Р. И.)

КАВКАЗСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Тифлисъ. Его Высочайшее Превосходительство, Господинъ Главнокомандующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, въ г. Тифлисъ, изволилъ отдать слѣдующій приказъ по Корпусу:

Марта 2-го дня. «За особенное отличіе и храбрость, оказанныя юнкеромъ Лейбъ-Карабинернаго Эриванскаго Его Величества полка, Павломъ *Корка-швили*, въ бою 17 сентября 1855 года, при штурмѣ карсскихъ укрѣпленій, я, по Высочайше предоставленной мнѣ власти, назначаю ему чинъ прапорщика, со старшинствомъ со дня отличія.

«О чемъ объявляю по Высочайше ввѣреннымъ мнѣ войскамъ.»

Подлинный подписалъ Главнокомандующій, Генераль-Адъютантъ *Муравьевъ*.

— Походный атаманъ Донскихъ полковъ, на Кавказѣ находящихся, доставилъ *семнадцати* руб., взысканные съ сотника Донскаго № 10-го полка Семенченкова, должные имъ главному лекарю Елисаветопольскаго военнаго полу-госпиталя, надворному совѣтнику, Пожарскому, пожертвованные послѣднимъ на потребности настоящихъ военныхъ дѣйствій.

— Шемахинскій военный губернаторъ доставилъ *десяти девятисто одинъ руб. восемь коп. сер.*, пожертвованные управляющимъ Шушинскимъ Узломъ, чиновниками, служащими въ томъ управленіи и въ мѣстной градской полиціи, въ пользу раненыхъ нижнихъ чиновъ въ настоящую войну.

— Директоръ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго препроводилъ въ Штабъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса *девяносто девять руб. сер.*, собранные за концертъ, данный 2 ноября 1855 г. въ г. Задонскѣ, благородными любителями музыки, въ пользу воиновъ нашей арміи.

— Сигнахскій уездный начальникъ доноситъ, что житель Сигнахскаго уѣзда, Зарскаго участка селенія Велисцихи, казенный крестьянинъ *Василій Теръ-Моссовъ*, неоднократно дѣлавшій угощеніе войскамъ, проходящимъ чрезъ Сигнахскій уездъ, за что удостоивался благодарности высшаго начальства,—6-го октября прошлаго года, во время перехода 5-го баталіона Кубанскаго Егерскаго полка чрезъ селеніе Велисцихи, равноютно угостилъ нижнихъ чиновъ и сказаннаго баталіона.

— 8-го марта, въ третьемъ часу пополудни, въ домѣ

вдовы Сусанны *Никифоровой*, состоящемъ 3-й части въ предместьи Кукахъ, произошелъ пожаръ, отъ котораго хозяйка дома понесла убытку до 1500 рублей серебромъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Англія. (N. Pr. Z.) Адмиралъ Лейонсъ скоро отправится на Востокъ, гдѣ приметъ начальство надъ англійскимъ флотомъ. Вчера (13-го) лордъ-меръ давалъ въ честь этого адмирала блестящій обѣдъ.

— (J. de St.-P.) Въ числѣ слуховъ о вѣроятныхъ событіяхъ, долженствующихъ произойти по заключеніи мира, утвердительное всего толки о томъ, что союзники оставятъ войска во всѣхъ главныхъ пунктахъ оттоманской имперіи. Въ городахъ турецкихъ будутъ стоять гарнизономъ Австрійцы, Французы и Англичане: такимъ образомъ и султану, подобно папѣ, волею или неволею окажутъ покровительство противъ его собственныхъ подданныхъ. Эта система, имѣвшая такой успѣхъ въ англійской Индіи, вѣроятно, будетъ имѣть и въ Турціи такіе же результаты. Уже въ англійскихъ журналахъ помѣщено древнее предсказаніе, въ которомъ возвѣщается, что распаденіе оттоманской имперіи должно послѣдовать между 1855 и 1856-мъ годами.

— Лондонскій корреспондентъ газеты Nord пишетъ отъ 23 (11) февраля: «Лордъ Пальмерстонъ, преслѣдуемый вопросами и требованіями членовъ Нижней Палаты, рѣшился, наконецъ, обнародовать документы, относящіеся къ паденію Карса. Онъ объявилъ также о предстоящемъ назначеніи комиссіи, которой будетъ поручено заняться изслѣдованіемъ фактовъ, упоминаемыхъ въ донесеніи крымскихъ комиссаровъ, сэра Джона Мако-Нила и капитана Толлока. Но эта комиссія, составленная изъ военныхъ людей, выслушаетъ только объясненія отъ офицеровъ, на которыхъ лежитъ обвиненіе. Очевидно, что правительство держитъ сторону послѣднихъ, что возбуждаетъ общее изумленіе и неменьше общее негодованіе.»

Франція. (N. Pr. Z.) Сообщаемъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о членахъ парижскихъ конференцій. Со стороны Англии: 1) Жоржъ Виліамъ-Фредерикъ Виллерсъ, четвертый графъ Кларендонъ и баронъ Гейдъ, перъ Англии, членъ тайнаго совѣта, кавалеръ орденовъ Подвязки и Бани первой степени, родился въ Лондонѣ въ 1800 г. Онъ изъ фамиліи Виллерсовъ, происходящихъ отъ рода графовъ Джерсейскихъ; къ сему имени присоединился титулъ барона Гейда по внуку Генриха Гейда, послѣдняго графа Кларендона и Рочестера. Лордъ Кларендонъ былъ чиновникомъ посольства въ С.-петербургѣ съ 1820 по 1823 г., потомъ состоялъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ особенности по ирландскимъ дѣламъ; въ 1831 г. былъ отправленъ во Францію для заключенія коммерческаго трактата. Съ сентября 1833 до октября 1839 былъ англійскимъ посланникомъ въ Мадридѣ; въ 1830 наследовалъ онъ своему дядѣ, третьему графу Кларендону, въ званіи пера и титулахъ; съ января 1840 до сентября 1841 былъ хранителемъ печати, временно исправлялъ должность ланкастерскаго канцлера и президента коммерческой палаты (министра коммерціи) съ іюля 1846 до іюля 1847; лордомъ-наместникомъ Ирландіи съ мая 1847 до февраля 1852 г. Съ февраля 1853 г. занимаетъ званіе статъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ. Онъ же канцлеръ ирландскаго королевства и университетовъ.—2) Генрихъ Ричардъ-Чарльсъ Веллеслей, второй баронъ Коули, перъ Англии, членъ тайнаго совѣта и кавалеръ Бани первой степени, родился въ 1804 г. въ Гертфордстритѣ, былъ чиновникомъ англійскаго посольства въ Вѣнѣ въ 1824 г.; въ апрѣль 1829 перешелъ въ Гаагу; назначенъ секретаремъ посольства въ Штутгартѣ въ январѣ 1832, и въ томъ же званіи перешелъ въ Константинополь въ октябрѣ 1838. Въ 1848 былъ уполномоченнымъ министромъ при швейцарскомъ союзѣ, а въ іюль того же года отправился съ особымъ порученіемъ во Франкфуртъ; въ іюнь 1851 акредитованъ при Германскомъ Сеймѣ, а въ 1852 назначенъ посланникомъ въ Парижѣ. Въ 1847 наследовалъ, въ званіи пера и титулахъ, отцу своему, брату герцога Веллингтона, знаменитому дипломату и первому лорду Коули.—Со стороны Франціи: 1) графъ Александръ Наполеонъ Колонна-Валевскій, кавалеръ ордена почетнаго Легіона второй степени, сенаторъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, родился въ Варшавѣ въ 1808 г. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ, вступилъ онъ во французскую службу при избраніи въ президенты нынѣшняго императора Фран-

цузовъ, и назначенъ былъ посланникомъ во Флоренцію. Графъ Валевскій былъ преемникомъ Друэнъ-де-Люиза въ званіи посланника въ Лондонѣ, когда послѣдній, въ 1851, назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ самъ вступилъ въ это званіе, когда Друэнъ-де-Люизъ вышелъ въ отставку послѣ вѣнскихъ конференцій, 7-го мая 1855 г.—2) баронъ Эдмондъ Буркене, кавалеръ ордена почетнаго Легіона второй степени, былъ въ 1851 чиновникомъ французскаго посольства въ Константинополѣ; въ 1852 назначенъ первымъ секретаремъ тамъ же, а съ 29-го марта 1853 состоитъ французскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Вѣнѣ.—Со стороны Австріи: 1) графъ Карлъ Фердинандъ Буль-Шауэнштейнъ, ридберскій, штрасбергскій и эленфельдскій, камергеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, кавалеръ ордена Св. Стефана, и съ 11-го апрѣля 1852 г. министръ императорскаго двора и иностранныхъ дѣлъ, родился въ 1797 г. Отецъ его былъ посланникомъ при Германскомъ Сеймѣ и государственнымъ министромъ. Графъ Буль-Шауэнштейнъ былъ посланникомъ при различныхъ дворахъ, а именно въ Штутгартѣ и С.-петербургѣ. Въ 1850 сопровождалъ онъ князя Шварценберга на извѣстныя дрезденскія конференціи. Младшая сестра графа Буля въ супружествѣ за російскимъ оберъ-гофмейстеромъ барономъ Мейендорфомъ, который долгое время былъ посланникомъ при берлинскомъ и другихъ дворахъ.—2) Баронъ Юсифъ Александръ Гюбнеръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, родился въ 1804, и началъ свое дипломатическое поприще чиновникомъ посольства въ Парижѣ, потомъ былъ секретаремъ при разныхъ посольствахъ и наконецъ австрійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Лейпцигѣ. Мѣсто это было тогда болѣе политическое, и именно г. Гюбнеръ имѣлъ наблюденіе за газетами. По восшествіи на тронъ императора Франца Юсифа, г. Гюбнеръ былъ вызванъ княземъ Шварценбергомъ ко двору. Въ 1849 г. назначенъ онъ посланникомъ въ Парижѣ при президентѣ республики, а въ 1853 при новомъ императорѣ.

— (J. de St.-P.) Говорятъ, что какъ скоро откроются конференціи, то уполномоченные раздѣлятся на отдѣльныя комиссіи, изъ которыхъ каждая будетъ особенно обсуждать предметы, подлежащіе общему разсмотрѣнію. Другой предметъ, представляющій нѣкоторыя мелочныя затрудненія, и о которомъ, какъ увѣряютъ, было уже объясненіе между графомъ Валевскимъ и лордомъ Коулеемъ, вѣроятно еще до поѣздки англійскаго посланника въ Лондонѣ, составляетъ вопросъ о председательствѣ на конференціяхъ, и о мѣстахъ, какія должны занимать уполномоченные при совѣщаніяхъ. Полагаютъ, что для прекращенія всякихъ споровъ, будетъ для этого назначенъ алфавитный порядокъ. Въ такомъ случаѣ Али-паша займетъ первое мѣсто, а графъ Валевскій, котораго имя, начинающееся съ W,—буквы, стоящей почти въ концѣ латинскаго алфавита, послѣднее, если только для него не будетъ сдѣлано исключенія.»

— (Pr. St.-A.) Въ газетѣ Constitutionnel пишутъ изъ Генуи, отъ 14-го февраля: «Говорятъ, ген. Ла-Мармора отправляется въ Крымъ, очищеніе котораго, по видимому, было рѣшено на парижскихъ военныхъ совѣщаніяхъ, прежде нежели узнали о принятіи Россіею условій мира.»

— (J. de St.-P.) Бельгійскимъ газетамъ пишутъ отъ 21-го (9-го) февраля: «баронъ Брунновъ посѣщаетъ членовъ императорской фамиліи и всѣхъ высшихъ сановниковъ; онъ видѣлся съ маршаломъ Вальяномъ и отозвался ему съ большою похвалою о французскихъ войскахъ, особенно о зувакахъ.»

— (J. de St.-P.) *Парижъ, 24-ю (12-ю) февраля.* Мониторъ объявляетъ, что вчера императоръ принималъ генералъ-адъютанта графа Орлова, перваго уполномоченнаго Его Величества Императора Всероссийскаго для конференцій, которыя должны открыться въ Парижѣ въ скоромъ времени. Графъ Орловъ былъ представленъ императору Наполеону оберъ-церемоніймейстеромъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій, присутствовалъ при этомъ представленіи.

— (J. de St.-P.) Бельгійскимъ газетамъ пишутъ отъ 22-го (10-го) февраля: «Графъ Орловъ, прибывшій въ Парижъ вчера вечеромъ, былъ сегодня въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ имѣлъ продолжительную конференцію съ графомъ Валевскимъ. Всѣ уполномоченные взаимно обязались хранить свои совѣщанія въ глубокой тайнѣ; значить, все, что стали бы рассказывать о ходѣ ихъ занятій, до обнародованія официальныхъ извѣстій, было бы основано на однихъ догадкахъ.»

Данія. (Nord.) Изъ Копенгагена пишутъ отъ 13-го февраля: «Едва военные англійскіе корабли прибыли въ «Полифемомъ», о гибели котораго я извѣщалъ вѣсть, вышли изъ Зунда и отправились обратно въ Англию, какъ новое англійское военное судно «Сампсонъ» бросило якорь на Гельсингерскомъ рейдѣ. Но чрезъ нѣсколько часовъ по своемъ прибытіи на этотъ рейдъ, оно едва не испытало участи «Полифема»: застигнутый сильнымъ шкваломъ, «Сампсонъ» скоро потерялъ свои якоря и цѣпи, былъ увлеченъ въ открытое море и только послѣ величайшихъ усилій и благодаря помощи, которую успѣли подать ему, могъ возвратиться на Гельсингерскій рейдъ. Другое англійское военное судно прибыло вчера на Копенгагенскій рейдъ, и если вѣрить матросамъ, сходящимъ на берегъ за съѣстными припасами, то къ Копенгагену идетъ еще нѣсколько военныхъ судовъ той же державы, которыя, безъ сомнѣнія, отправятся потомъ въ Балтійское море.»

Турція. (J. des Déb.) Во французскихъ журналахъ напечатана слѣдующая телеграфическая депеша изъ Марсели, отъ 17-го февраля: «Въ гавани нашу пришелъ пароходъ Jourdain съ письмами изъ Константинополя отъ 7-го февраля. Султанскій гатти-шерифъ, содержащій двадцать одну статью регламента о правахъ раевъ, будетъ присланъ въ Парижъ и присоединенъ къ мирному трактату. Конференціи объ устройствѣ дунайскихъ княжествъ отложены, какъ слышно, по причинѣ трудностей соединенныхъ съ рѣшеніемъ этого вопроса, который будетъ представленъ на обсужденіе конгресса. Армянскій патриархъ требуетъ къ себѣ на судъ и намѣренъ наказаніемъ въ патриаршескую тюрьму редактора армянской газеты, выходящей въ Константинополь, за то, что онъ изъявилъ въ своей газетѣ желаніе, чтобы Армянская церковь соединилась съ Римскою.—Батумскій курьеръ привезъ оттуда извѣстія по 24-е января. Омеръ-паша стоитъ въ Редугъ-Кале; у него тридцать двѣ тысячи человекъ. Тунисскій корпусъ сильно пострадалъ отъ стужи: теперь въ немъ осталось не болѣе четвертой доли людей. Въ журналахъ требуютъ, чтобы остальные были отосланы обратно въ Тунисъ.»

— (J. de St.-P.) Въ письмахъ изъ Константинополя помѣщенныхъ въ марсельскомъ журналѣ Séraphique заключаются слѣдующія подробности, которыя, кажется, довольно вѣрно отражаютъ мысль политическихъ людей въ Турціи: «Я уже объяснялъ вамъ одну изъ причинъ, по которымъ Решидъ-паша отказался ѣхать на парижскія конференціи. Решидъ-паша не хочетъ быть представителемъ Турціи на конференціяхъ, потому что въ новыхъ предложеніяхъ не поставлено разности между духовными и свѣтскими правами раевъ, разности, которую Решидъ всегда поддерживалъ въ своихъ ноткахъ къ князю Меншикову и къ западнымъ державамъ. Но Решидъ-паша не согласится отказаться отъ своего права, являясь на конференціи, на которыхъ не обратятъ ни малѣйшаго вниманія на эту равность, столь важную для верховныхъ правъ Порты. Съ другой стороны, въ новыхъ предложеніяхъ требуютъ подтвержденія и прежнихъ правъ, какими пользовались раи. Но чего требовала Россія? Просто этого же подтвержденія, обезпеченнаго трактатомъ. Что было причиною нынѣшней войны? Отказъ Порты заключить этотъ трактатъ, отказъ, въ которомъ Турцію поддержали западныя державы. Наконецъ, если миръ будетъ заключенъ на этихъ новыхъ основаніяхъ, Россія можетъ утверждать, что вообще она въ выигрышѣ, потому что добилась всего, чего требовала съ самаго начала раздора, притомъ не смотря на побѣды западныхъ державъ, и, что еще важнѣе, съ согласія защитниковъ Порты. По этой причинѣ Решидъ-паша объявилъ, что никогда не будетъ содѣйствовать заключенію трактата, который опровергаетъ и уничтожаетъ все прошедшее, и окончательно доставляетъ торжество дѣлу Россіи. Смотря на вопросъ съ этой точки зрѣнія, кажется Решидъ правъ, и западнымъ державамъ не мѣшало-бы имѣть это въ виду при сужденіяхъ о ненарушимости правъ оттоманской имперіи, столь необходимой для Европы.»

— (J. de St.-P.) Въ одномъ письмѣ, полученномъ газетою Daily-News, сказано: «Чтобы ни говорили приверженцы Турокъ, дружескій пріемъ, будто бы оказанный кавказскими горцами Омеру-пашѣ и его арміи, есть одна изъ тѣхъ выдумокъ, въ которыхъ искусно смѣшаны ложь и правда. Изъ семнадцати главныхъ племенъ, составляющихъ населеніе Кавказа, лишь весьма немногія могутъ быть названы ревностными послѣдователями ислама, а за

отсутствиемъ религіознаго сочувствія, довѣріе ихъ къ безкорыстію и кротости Турокъ кажется не очень сильнымъ. Меня убѣждаютъ даже, что жители мѣстъ, лежащихъ около Редутъ-Кале, еще неприязненнѣе къ Туркамъ. Эта недобѣрчивость, эта неприязнь вполнѣ обнаружилась въ единодушномъ почти отказѣ отъ поставки съѣстныхъ припасовъ. Въ Мингрелии ненависть туземцевъ къ Туркамъ выказалась еще рѣшительнѣе, достаточнымъ доказательствомъ чему служатъ частыя убійства турецкихъ солдатъ. Можно предполагать, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, страхъ, внушаемый предстоящимъ возвращеніемъ Русскихъ, имѣлъ вліяніе на обнаруженіе этихъ неприязненныхъ чувствъ, но еще чаще оно было необходимымъ слѣдствіемъ варварства и звѣрства Турокъ, а въ другихъ случаяхъ слѣдствіемъ недобѣрчивости и зависти къ Омур-пашѣ. Шамиль не хотѣлъ ни въ чемъ помочь сердарю, и сочувствіе горцевъ Туркамъ еще ничѣмъ не доказано.

Персія. Пишутъ изъ Тегерана: По выѣздѣ англійскаго полномочнаго министра, г-на Муррея, изъ Тегерана въ Тавризъ, въ послѣдней половинѣ ноября 1855 г., въ Афганистанѣ случились разныя происшествія, послѣдствіемъ коихъ могло бы быть разстройство порядка внутри Хорасана; а какъ шаткость афганистанскихъ властей должна была обратить вниманіе персидскаго правительства для предупрежденія безпорядковъ и охраненія владѣній Герата и Кандагара въ цѣлости, безъ взаимнаго вмѣшательства тамошнихъ владѣтелей по управленію каждаго изъ нихъ, согласно существующимъ условіямъ, то правительство его величества Шаха нашло нужнымъ принять необходимыя въ этомъ случаѣ мѣры, имѣющія цѣлю предупредить въ томъ краѣ всякое возмущеніе и сохранить законный порядокъ. Желаніе и требованія Персіи состоятъ въ томъ, чтобы владѣтели Афганистана, довольствуясь каждаго своею областью, не пытались простирать свою власть на владѣнія другаго; это только можетъ ручаться въ спокойствіи края и безопасности сообщеній, столь необходимыхъ для распространенія торговли и сохраненія порядка въ Хорасанѣ. Но назадъ тому нѣсколько времени, по случаю смерти владѣтеля Кандагара, Кухандиль-хана, возникло о наслѣдствѣ его власти неудовольствіе между его братьями и сыновьями. Правительство его величества Шаха, уважая особую привязанность покойнаго Кухандиль-хана къ Персіи, имѣло въ виду назначить съ своей стороны надежнаго сановника, который-бы помирилъ сыновей покойнаго съ ихъ дядями. Но эмиръ Достъ-Магомедъ-ханъ, пользуясь смертію Кухандиль-хана и возмущеніемъ Герата, — подъ предлогомъ траура по своему брату и примиренія его наслѣдниковъ, выступилъ въ Кандагаръ, имѣя подъ своимъ начальствомъ довольно-сильное войско. — Братья и сыновья покойнаго, не подозревая его замысла и полагая, что одно братское чувство къ памяти Кухандиль-хана побудило его посѣтить ихъ въ такую горестную минуту, встрѣтили его съ большою почестію; но онъ, вскорѣ по вступленіи въ Кандагаръ, поставилъ войска у воротъ, завладѣлъ городомъ, удалилъ своихъ племянниковъ и братьевъ отъ управленія и заставилъ ихъ бѣжать въ разныя мѣста. Между тѣмъ, братья покойнаго Кухандиль-хана, а именно: Дахлидиль-ханъ, Магомедъ-Садыкъ-ханъ, Магомедъ-Омаръ-ханъ, Кумаль-Мѣхмеддинъ-ханъ, и въ томъ числѣ Султанъ-Али-ханъ, который назадъ тому два года пріѣзжалъ въ Тегеранъ съ изъявленіемъ желанія быть слугою его величества Шаха и былъ удостоенъ чина сартина и титула *Музеффероддевлэ*, обратились съ жалобою къ его величеству, прося защиты противъ несправедливости эмира Достъ-Магомедъ-хана, съ тѣмъ, чтобы владѣнія Кандагара оставались въ прежнемъ положеніи, т. е. независимыми, подъ управленіемъ наслѣдниковъ покойнаго Кухандиль-хана. Эмиръ Достъ-Магомедъ-ханъ, завладѣвъ Кандагаромъ, приготовился было напасть и на Гератъ; но владѣтель Герата, принцъ Магомедъ-Юсуфъ-ханъ и другіе сановники и всѣ улемы этого города, прислали жалобу, прося защиты персидскаго правительства, и присовокупили, что жители Герата встревожены до такой степени, что намѣрены покинуть свои жилища и бѣжать; вслѣдъ за тѣмъ изъ Сейстана, принадлежащаго Персіи, получено было официальное извѣстіе, что эмиръ Достъ-Магомедъ-Ханъ поручилъ одному изъ своихъ сыновей произвести набѣгъ на Сейстанъ и Белуджистанъ. Эти покушенія эмира Достъ-Магомедъ-Хана, коихъ послѣдствіями неминуемо были бы опасныя смуты въ томъ краѣ и нарушеніе общественаго спокойствія внутри Хорасана, побудили правительство его величества Шаха отправить

въ Гератъ войско, какъ для защиты этого края отъ неприятеля, такъ и для сохраненія порядка въ Хорасанѣ; мѣра эта принята съ цѣлю принудить эмира Достъ-Магомедъ-Хана оставить предпринятые имъ завоеванія и довольствоваться своимъ владѣніемъ, Кабуломъ. Корреспондентъ нашъ, въ заключеніе этихъ свѣдѣній, присовокупляетъ, что шахское войско уже отправилось въ Гератъ, но о дальнѣйшемъ ходѣ экспедиціи еще положительныхъ извѣстій не получено.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

КѢРЪ-ОГЛУ,

ВОСТОЧНЫЙ ПОЭТЪ - НАВЗДНИКЪ (*).

(Полное собраніе его импровизаций съ присокупленіемъ его біографіи.)

(Переводъ съ англійскаго.)

Предисловіе.

Герой настоящаго разсказа *Кѣръ-Оглу*, Тюркоманъ изъ племени Туки, уроженецъ Сѣвернаго Хорасана, жившій во второй половинѣ XVII столѣтія. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ грабить караваны, слѣдовавшіе торговыми путями изъ Персіи въ Турцію, между городами Хой и Эрзерумомъ; но чѣмъ Кѣръ-оглу стажалъ безсмертіе на всемъ Востокѣ, такъ это своими поэтическими импровизациями, которыя по-нынѣ живутъ въ устахъ азіатскихъ пѣвцовъ и будутъ жить на долго. *Иліаты* (1), или тюркскія кочующія племена, въ разное время вышедшія изъ внутренней Азіи на обширныя равнины при берегахъ Евфрата и Мервы, съ особенною любовію сохраняютъ прославленныя импровизации Кѣръ-оглу и преданія объ его романтической жизни. Онъ считается между ними такимъ же славнымъ воиномъ, какими были рыцари въ Европѣ; онъ ихъ народный, образцовый бардъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ прекрасной Замасской долинь, въ Адзербейджанской провинціи, по-нынѣ указываютъ развалины крѣпости *Шамли-биля*, будто построенной Кѣръ-оглу. Ни одинъ значительный праздникъ у *Иліатовъ* не обходится безъ того, чтобы не пропѣть хотя одну изъ пѣсень Кѣръ-оглу. Въ эпоху распрей и междоусобій за независимость *Иліатовъ* съ персидскими государями, когда объ враждующія стороны, въ ожесточенномъ бою, сходились лицомъ къ лицу, то каждая изъ нихъ предварительно одушевляла себя пѣснями любимыхъ поэтовъ: Персіане пѣли разныя мѣста изъ *Шах-Наме*, а *Иліаты* — боевыя импровизации Кѣръ-оглу. — Подъ окнами шахскаго дворца, когда барабаны и трубы *Нек-кара-ханэ* (2) играютъ прощальный маршъ *заходящему солнцу*, то главною тѣмою этого музыкальнаго обряда служатъ мотивы воинственныхъ и любимыхъ импровизаций Кѣръ-оглу. Послеъ всего сказаннаго, удивительно, что имя столь популярнаго на Востокѣ героя не обратило на себя вниманіе европейскихъ путешественниковъ. Если извѣстность и слава поэтовъ обуславливаются числомъ ихъ почитателей, то самъ Фердоуси немногимъ превосходитъ Кѣръ-оглу. Мы не хотимъ утверждать, что безискусственный рапсодъ, вылившійся экспромтомъ изъ устъ безграмотнаго *волада*, должны быть предпочтены художественной и совершенно-оконченной эпопее персидскаго поэта; но все-таки поэзія Кѣръ-оглу соединяетъ въ себѣ всѣ условія, по которымъ она по праву сохраняется въ памяти всѣхъ его соотечественниковъ.

Фердоуси взялъ сюжетъ своей поэмы изъ стариннаго народнаго преданія, сохранившагося только въ персидскихъ хроникахъ. Онъ одушевилъ его своимъ богатымъ воображеніемъ, сосредоточилъ въ немъ главнѣйшіе случаи

(* Если бы герою предлагаемой статьи придать титулъ *закавказскаго поэта-навздкина*, то это не составило бы никакой ошибки противъ истины, тѣмъ болѣе, что вопросъ о родоприсхожденіи Кѣръ-оглу еще не разрѣшенъ ориенталистами. Нѣтъ угла въ Азіи и вообще на Востокѣ, гдѣ бы это имя не было извѣстно. Вы услышите его даже въ Бессарабіи и Молдавіи; близъ Коджоръ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тифлиса, вамъ укажутъ развалины какого-то замка, будто служившаго ивгогда пригономъ значительному бандиту съ его шайкой. Персіане и Турки оспариваютъ другъ у друга право называть его своимъ соотечественникомъ. Не доказываетъ ли это, что Кѣръ-оглу былъ не только рыцарь большихъ дорогъ, но игралъ роль историческую? Во всякомъ случаѣ, популярность его въ Азіи едва ли не равняется извѣстности Гомера у Грековъ. На этомъ основаніи, мы можемъ сказать, что настоящая статья, въ которой собраны всѣ изустныя преданія о Кѣръ-оглу и его импровизации, пополняетъ замѣтный пробѣлъ въ изученіи Востока. Объ этомъ предметѣ вышло въ сороковыхъ годахъ, на англійскомъ языкѣ, обширное сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Adventures and Improvisations of Kirtoglou, the bandit-minstrel of Northern Persia*, изъ котораго нѣсколько отрывковъ было переведено на французскій и помѣщено въ *Revue de l'Orient*, mai 1855; извѣстная писательница Жоржъ-Зандъ также перевела нѣкоторыя импровизации Кѣръ-оглу. Это самое сочиненіе и послужило оригиналомъ предлагаемаго перевода.

Примѣч. Редак.

(1) *Иліаты* — персидское собирательное имя отъ турецкаго слова *Илі* (племя, поколѣніе, семейство). Такъ называются въ Персіи кочующія племена, въ особенности татарской отрасли, переселившіяся въ разныя времена изъ Средней Азіи въ Сѣверную Персію.

(2) *Неккара-ханэ* — военная процессія, съ незапамятныхъ временъ установленная въ Персіи, въ честь царствующихъ шаховъ и принцевъ. *Неккара-ханэ* и праздникъ *Наурузъ* два главныя остатка Зороастрова ученія.

персидской исторіи до временъ ислама, и разсказъ объ этой эпопее повѣсть, долженствовавшую доправити Газиавидскому двору, при которомъ преобладали арабскій языкъ и арабская литература. Это самое и заставило поэта подчиниться современнымъ требованіямъ предразсудковъ высшаго сословія, считавшаго арабскую литературу и языкъ образцемъ и самымъ лучшимъ выраженіемъ совершенства поэзіи. Ученый поэтъ понималъ всю трудность исполненія своей задачи, опасаясь болѣе или менѣе оскорбить народность своего отечества. Это проявляется на каждой страницѣ его *Шахъ-Наме*; онъ по-возможности сглаживаетъ чужеземное вліяніе, и весьма рѣдко употребляетъ арабскія выраженія, въ особенности такія, которыя въ его время начали уже вкрадываться въ персидскій языкъ. Въ этомъ отношеніи онъ успѣлъ лучше многихъ другихъ и побѣда осталась за нимъ. Рудеки, Энсари и другіе, современные ему, персидскіе поэты представили ему пальму первенства. — Главное дѣйствующее лице его поэмы — Рустемъ играетъ роль національнаго героя. Но есть-ли этотъ Рустемъ безкорыстно-вѣрное олицетвореніе характера, обычая и образованности его современниковъ, — Персіанъ? Мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ отрицательно.

Нельзя того же сказать о Кѣръ-оглу, въ отношеніи его поэтическихъ произведеній. Импровизации его вылились сами собою изъ глубины души, безъ всякаго напряженія, — безискусственныя и чистыя, какъ горный ключъ, бьющій кристальною струею изъ природной скалы. Герой ихъ, самъ Кѣръ-оглу, не имѣетъ ничего общаго съ сверхъестественнымъ міромъ боговъ, *симурговъ* и злыхъ духовъ поэмы *Шахъ-наме*. Все окружающее этого героя, всѣ его свойства, пороки и недостатки просты и патриархальны и съ поразительною вѣрностью рисуютъ въ высшей степени любопытныя нравы кочующихъ племенъ, которыя по настоящее время сохранили необузданную страсть къ грабежамъ, но не изъ одного корыстолюбія, а съ цѣлю выказать удалъ и отягу. Даже самое преувеличеніе — это неизбѣжное условіе всей азіатской поэзіи — здѣсь замкнуто въ скромныя предѣлы. Рустемъ выражаетъ собою идеалъ слѣпой покорности своему коронованному властелину; идеалъ-же Кѣръ-оглу заключается въ вѣрности воина своему рыцарскому слову, — воина, одареннаго свободою, дикою и необузданною волею. Герой преслѣдуетъ единственную звѣзду своего сердца, приковавшую къ себѣ всѣ его мысли и желанія, и въ этомъ стремленіи съ нимъ случаются приключенія, напоминающія намъ героевъ Сервантеса и Ариосто. Онъ не хочетъ понимать чужихъ добродѣтелей и пороковъ, если же онъ и понимаетъ ихъ, то сообразно своимъ дикимъ привычкамъ и наклонностямъ.

Въ этомъ и заключается талисманъ, сдѣлавшій имя Кѣръ-оглу народнымъ между тюркскими племенами сѣверной Персіи. По ихъ мнѣнію, ничто такъ не естественно, какъ то, чтобы сильныя подавляли слабѣйшихъ, иначе первые не были бы ни могущественны, ни сильны, а послѣдніе не признавали бы надъ собою власти своего господина, его права и превосходства; но такъ-какъ богатство есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ для достиженія могущества, то сильнѣйшій долженъ стремиться къ нему всеми путями, могущими рано или поздно привести его къ цѣли, долженъ, потому что счастье непостоянно, а враги зорко слѣдятъ за героемъ, и ежечасно готовы поразить буиную голову, не смотря на то, что онъ вправѣ такъ дѣйствовать.

Кѣръ-Оглу и съ этой стороны представляется однимъ изъ самыхъ характерныхъ представителей своихъ соплеменниковъ. Онъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ и, на этомъ основаніи, считаетъ себя вправѣ властвовать надъ всѣми прочими, цѣня каждаго по мѣрѣ личной храбрости. Будучи одаренъ отъ природы характеромъ сильнымъ и пылкими страстями, но безусловно щекотливый относительно собственнаго своего достоинства, онъ врагъ всякому, кто сильнѣе и богаче его. Сынъ бѣднаго Тюркомана, онъ набираетъ свою шайку сперва изъ представителей самыхъ низшихъ слоевъ; ее составляютъ: конюхи, невольники, мясники, кузнецы и пастухи. Однако же, въ душѣ онъ аристократъ, и выбираетъ себѣ любовницъ только изъ княжескихъ дочерей и изъ знаменитыхъ семействъ. Пока у него есть средства, чтобы платить за наряды своихъ одалякъ, ежедневно угощать безчисленное множество гостей и держать цѣлый легионъ невольниковъ, онъ спокоенъ и вполнѣ блаженствуетъ, не помышляя о будущемъ. Его ублачиваетъ музыка, да онъ самъ лучшій музыкантъ, первый поэтъ и записной кутита. Гости, слѣдуя его примѣру, также соперничаютъ между собою въ разнообразныхъ удовольствіяхъ. Такимъ образомъ, до поры до времени, все идетъ хорошо и гладко; но наступаетъ утро, хозяинъ пробуждается отъ сна послѣ длиннаго ряда вакхическихъ ночей, съ отуманенной головою. Вотъ ему объявляютъ, что въ домѣ не осталось ни одного барана, что въ сосудахъ нѣтъ ни капли веселящей влаги. Но зачѣмъ же дѣло стало? Отважный бандитъ покидаетъ ложе лѣности и пѣги, и пускается за добычею. А богатые, тяжело нагруженные караваны, слѣдуя по дорогѣ мимо роковаго *Шамли-биля*, не воображаютъ, какая гроза собирается надъ ними.

Однакожь, надобно сказать, что не всегда страсть къ грабежу заставляетъ его такъ дѣйствовать. Случается, что

простая прихоть, любовь къ опаснымъ приключеніямъ, желаніе потѣшить своихъ гостей или исполнить данное обещаніе вызываютъ его на кровавые подвиги. Надвѣ оружіе и вскоичивъ на коня, онъ летитъ на встрѣчу опасности съ такимъ же веселымъ духомъ, какъ будто ѣхалъ на веселый пиръ. Въ этомъ случаѣ, Кёръ-оглу и его дружина напоминаютъ собою древнихъ Запорожцевъ; но послѣдніе никогда не притѣняли слабого, а были грозой опасныхъ и сильныхъ враговъ своей вѣры и отчизны.

Характеръ женщины въ импровизаціяхъ нашего поэта-наѣздника не преувеличенъ никакими обольстительными красками, и по тому самому болѣе близокъ къ истинѣ. Пройдите Азію отъ одного конца ея до другаго и вы навѣрно не найдете ни одной Эюлейхи, ни одной Лалла-Рукъ, но подобныхъ Нигаръ, Паризадъ, Дуна-пашъ вы встрѣтите въ каждомъ персидскомъ или турецкомъ гаремѣ. Женщина Востока и женщина Европы, образованной въ духъ Священнаго Писанія и рыцарства среднихъ вѣковъ, суть два, совершенно противоположныхъ существа. Первая напоминаетъ намъ болѣе греческихъ амазонокъ съ сердцемъ, которому незнакомы чувства, какія мы привыкли видѣть въ нашихъ матеряхъ и сестрахъ; оно чуждается сожалѣнія, кротости, снисходительности и всѣхъ замѣтныхъ качествъ христіанской женщины. На Востокъ женщины, одаренныя подобными качествами, служатъ даже посмѣшищемъ для своихъ подругъ; объ нихъ отзываются не иначе, — какъ: о жалкихъ, презрѣнныхъ существахъ. Восточной женщинѣ до всего этого нѣтъ дѣла; ей бы только болтать каждое утро о разныхъ пустякахъ, между которыми интриги въ баняхъ играютъ главную роль, обмѣниваться визитами, и т. п.; остальную часть дня она или занята стряпнёю или куритъ каальянъ, исподволь наслаждаясь бесѣдою съ невольницами, такими же невѣждами, какъ и сама госпожа. Кому случилось жить въ восточныхъ городахъ, близъ гаремовъ, тотъ навѣрно слышалъ грубыя шутки ихъ обитательницъ, а подчасъ и ругательства, сопровождаемыя самыми плоскими эпитетами. Конечно, и здѣсь есть исключенія; но общая картина все-таки отражаетъ въ себѣ глубокой нравственный упадокъ и жалкую роль мусульманской женщины. — Цѣль всей ея жизни состоитъ въ приобретеніи власти надъ себѣ подобными. Будучи первою въ гаремѣ, она можетъ имѣть при себѣ цѣлую свиту прислужницъ, управлять ими деспотически, а въ добрый часъ и надѣлать ихъ добрыми ударами по пятамъ. Вотъ какія наслажденія по-вкусу ханумъ ревниваго Востока! По ея мнѣнію, она должна имѣть тоже самое значеніе въ кругу подвластныхъ ей женщинъ, какимъ пользуется мужчина въ своемъ кругу. Приключенія, случившіяся между Кёръ-оглу и Исаа-белі въ Константинополѣ, и нынѣ весьма часто повторяются и почти въ томъ же самомъ видѣ. Манера, съ какою Кёръ-Оглу обходится съ женщинами, чисто-восточная. Онъ считаетъ женщину товаромъ, купленнымъ или выиграннымъ по случаю, видитъ въ ней простую игрушку, которую онъ можетъ бросить, какъ скоро она надобѣтъ ему. Въ его глазахъ женщина интересна только въ томъ случаѣ, когда обладаніе ею сопряжено съ какою либо новизною, съ неизвѣстностью или опасностями.

Предметъ, къ которому Кёръ-Оглу питаетъ страсть истинную и постоянную, — это конь его *Киратъ*. Пѣсня, вызванная у Кёръ-оглу потерей этого любимаго животнаго, считается одною изъ лучшихъ элегій, которою восточная поэзія можетъ гордиться. Киратъ въ импровизаціяхъ своего хозяина составляетъ второй индивидуумъ послѣ его самого. Описание этого коня, въ первой и пятой *меджиссахъ* (3) предлагаемаго сочиненія, считаются, по мнѣнію лучшихъ персидскихъ знатоковъ лошадей, единственно-вѣрными и образцовыми въ своемъ родѣ. «Око мое, душа моя» — вотъ выраженія, коими Кёръ-оглу каждый разъ чувствуетъ своего любимца. Такъ безъ Кирата онъ самъ по себѣ ничто, и когда улираетъ Киратъ, — разстается съ жизнью и самъ его хозяинъ.

Военныя пѣсни Кёръ-оглу высоко цѣнятся на Востокѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, могучій языкъ, бурная музыкальность стиха выражаетъ какую-то дикую и смѣлую гармонію, не переводимую ни на какой другой языкъ. Кёръ-оглу не можетъ иначе сразиться съ врагомъ, какъ пропѣвъ сперва соотвѣтственную импровизацію. Пѣсня его гремитъ, извивается и свиститъ подобно удаву, который долженъ прошипѣть прежде, чѣмъ ужалитъ кого-либо.

Такимъ образомъ, на каждый случай своей жизни Кёръ-оглу оставилъ импровизацію. Онъ сохранился на персидско-турецкомъ нарѣчій, между закавказскими мусульманами и адзербейджанскими кочующими племенами, въ сѣверной Персіи. Здѣсь *ошики* (4), т. е. привилегированные рапсоиды Кёръ-оглу, поютъ его импровизаціи,

(3) Меджисъ — отъ арабскаго *جلس* бесѣда, мѣсто сидѣнія.
(4) Ошики соб. значить «восхищенный». Такъ называется въ Сѣверной Персіи отдѣльный классъ пѣвцовъ, странствующихъ то въ одиночку, то въ обществѣ съ энгларами, каватанями пласунами и съ обезьянами; они наводняютъ цѣлые города и деревни, посѣщаютъ лагеря помадовъ, присутствуютъ на праздничныхъ обрядахъ и торжествахъ, забавляя народъ музыкою и пѣснями.

объясняя при томъ: гдѣ, когда и по какому случаю каждая изъ нихъ получила свое начало. И такъ-какъ приключеній этихъ и поэтическихъ вымысловъ безчисленное множество, то они раздѣлены на *меджиссы*, т. е. на бесѣды, рассказываемыя порознь, смотря по желанію слушателей.

Подобныя рассказы встрѣчаются въ каждомъ персидскомъ городѣ и деревнѣ. Сверхъ того, на Востокѣ существуетъ классъ такъ-называемыхъ *Кёръ-оглу-хановъ* (5), подъ диктовку которыхъ и записаны настоящія рапсоиды знаменитаго поэта-наѣздника. По мнѣнію знатоковъ, предлагаемое собраніе можетъ похвастаться совершенно правдивымъ и полнымъ. Въ одномъ только *меджиссѣ*, а именно: «о путешествіи Кёръ-оглу въ Сирію», нѣтъ желаемыхъ подробностей, потому что ни одинъ изъ рассказчиковъ не знаетъ его вполне наизусть, отчего глава эта и вышла немного сжатою.

(Продолж. въ слѣд. №.)

(5) Обязанность Кёръ-оглу-хановъ состоитъ въ томъ, что они должны знать наизусть всѣ *меджиссы* своего героя, рассказывать ихъ или пѣть съ аккомпаниментомъ любимаго инструмента Кёръ-оглу *чунура* или *ситара*, — трехъ-струнный балайликъ. Названіе Кёръ-оглу-хановъ произошло въ подражаніе *Шахъ-наль-хановъ* Фердоуси и *Коратъ-хановъ* Мигмета. — Пѣять этихъ пѣвцовъ-рассказчиковъ удивительно. На каждое требованіе они готовы, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, безъ утомки и не запинаясь, рассказать всѣ похваленія своего героя.

Нѣсколько словъ о г-жѣ Санковской 2-й и о БАЛЕТѢ «Лиза и Коленъ».

Старый и Молодой театралы давно уже прекратили свои состязанія; тифлисская *рамбавія* тоже поутихла и актеры здѣшней сцены, снявши театральные доспѣхи, отдыхаютъ теперь на лаврахъ, послѣ перенесенныхъ ими трудовъ и сильныхъ ощущеній отъ фельетонныхъ возгласовъ... Но, позвольте почтеннѣйшіе театралы и театральные судьи! почему же, подвизаясь такъ неутомимо на пользу актеровъ, вы не сказали до сихъ поръ ни слова про тифлисскую балетную группу, которой, можетъ быть, вы не разъ усердно хлопали, а подчасъ бросали и букеты. Положимъ, что труппа эта ничѣмъ особенно не замѣчательна, что въ продолженіи цѣлаго сезона она подчивала насъ *Волшебною флейтою* и *полькой-вечеркой*, съ примѣсю для разнообразія *Pas de deux* и *pas de trois*; но это не ея вина: она дѣлилась съ публикой чѣмъ могла и что позволялъ ей небольшой составъ. Санковская, Мухина, Григорьева, Иванова и Шебекъ — вотъ и вся наша балетная труппа. Спасибо и за то, чѣмъ они хоть сколько нибудь сокращали длинные антракты, останавливали невыносимыя крики театральныя хлыщей и стукотню палками, ногами, стульями... Да не подумаютъ, что я хочу пополнить фельетонный пробѣлъ прошлаго сезона о балетѣ; пусть замѣтятъ и пополняютъ его подвизающіеся театралы хроникой *ex professo*. Я не намѣренъ распространяться ни о даривитой г-жѣ Мухиной, любимицѣ публики, не хочу касаться г-жѣ Григорьевой и Ивановой, а желаю только сказать нѣсколько словъ о нашей первой танцовщицѣ, г-жѣ Санковской: добросовѣстностью и отчетливымъ знаніемъ своего дѣла она заслужила всякую похвалу. Неутомимая, легкая и всегда оживленная и разнообразная въ своихъ манерахъ, г-жа Санковская, въ какомъ бы характерномъ амплуа ни явилась, вездѣ на своемъ мѣстѣ; она такъ же граціозна и пріятна въ *зипарелло*, какъ ловка и характерна въ *лез инкь*, такъ же замѣтна въ ансамблѣ, какъ и въ *solo*. Есть что-то увлекательное въ ея движеніяхъ, много мысли и граціи въ мимикѣ, картинности и разнообразія въ позахъ, ловкости въ выдѣлываніи самыхъ трудныхъ и неуловимыхъ пѣ. Мы слышали, что г-жа Санковская нѣкогда обращала на себя вниманіе даже на московской сценѣ и нѣрѣдко являлась она солисткой. — Одинъ изъ моихъ пріятелей, знавшій г-жу Санковскую въ прежніе годы, выразился однажды съ жаромъ: «если бы г-жа Санковская 2-я заималась своимъ дѣломъ серьезно, то могла бы, если «не превзойти, то сравниться съ извѣстною г-жею Санковскою 1-ю.» Мой пріятель, какъ изволите видѣть, увлекся чрезъ-чуръ; но какъ знать тайныя судьбы Терпсихоры: можетъ быть, и сбылись бы слова моего пріятеля, когда не утекло бы уже слишкомъ много времени послѣ впечатлѣній, подъ обаяніемъ которыхъ родилась у него въ головѣ подобная мысль. Но не заглядывая въ невѣдомое будущее, скажемъ, что настоящее г-жи Санковской говоритъ много въ пользу ея балетныхъ дарованій: тифлисская публика оцѣнила ихъ и полюбила г-жу Санковскую. Каждое появленіе ея на сценѣ какъ-то особенно пріятно и вызываетъ продолжительныя рукоплесканія, съ

которыми встрѣчаютъ и сопровождаютъ ее, даже самыя строгіе и умѣренные цѣители сценическихъ дарованій не остаются безъ движенія. Въ свою очередь, не могу обказать своей удивительной замѣтливости, что я посвятилъ г-жѣ Санковской нѣсколько печатныхъ строкъ. Въ послѣдній бенефисъ г-жи Санковской, 26 февраля, поставленъ былъ въ первый разъ балетъ: «Лиза и Коленъ». Противъ всѣхъ опасеній, балетъ неожиданно хорошо былъ выполненъ. Содержаніе его довольно занимательно: старая и неутомимая Гертруда (г-нъ Мухинъ) хочетъ выдать дочь свою, рѣзвую и веселенькую плутовку Лизу (г-жа Санковская) за молодого крестьянина Алберта (г-нъ Шебекъ). Какъ ни хлопочутъ объ этомъ Гертруда и Морицъ, отецъ Алберта (г-нъ Ивановъ), но увы... любовь и счастливый случай торжествуютъ: въ ту самую минуту, когда Морицъ, получивши изъ рукъ Гертруды ключъ, чтобы освободить запертую въ комнатѣ шалунью Лизу, самодовольно отпираетъ дверь, — изумленнымъ глазамъ его неожиданно представляется Лиза — вмѣстѣ съ повѣсою Коленомъ. Открывается, что всѣ предосторожности Гертруды, чтобы уберечь Лизу отъ некузеній, остались тщетны: Коленъ и Лиза уже соединены узами любви, и сконфуженной Гертрудѣ становится совѣстно за себя и свою дочь предъ Албертомъ, предъ толпою окружающихъ ее поселанъ и даже предъ публикой. Слѣзное и оригинальное содержаніе даетъ этому балету характеръ живой и веселый. Постановка его, равно какъ и выполненіе были весьма удачны. Г-жи Санковская, Мухина, Григорьева и г. Шебекъ исполнили *pas de quatre* легко, красиво и отчетливо; но *solo* г-жи Санковской увѣчало балетъ. Миника г-на Мухина, въ роли Гертруды, доходила до совершенства. При этомъ опять нельзя не упомянуть г-жу Санковскую и не удивляться ея даровитости: выразительность ея мимики на этотъ разъ была замѣчательна; каждое движеніе, малѣйшее выраженіе лица — все въ ней было свободно, натурально и понятно каждому, даже и тому, какъ говорилъ Гоголь, «кто въ семинаріи не учился». Однимъ словомъ въ «Лизѣ и Коленѣ» г-жа Санковская намъ особенно понравилась и оставила пріятное впечатлѣніе. Впрочемъ, она и г-жа Мухина всегда и вездѣ могутъ нравиться, дарованія ихъ вездѣ будутъ замѣтны и увѣчаны успѣхомъ. Но мы съ цѣлю распространились о г-жѣ Санковской: г-жа Мухина уже давно знакома нашей публикѣ, а г-жа Санковская провела у насъ только минувшій сезонъ, и потому было бы несправедливо пройти объ ней молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что она успѣла въ короткое время заслужить общее уваженіе и признательность тифлисской публики, которая, конечно, не безъ сожалѣнія расстанется съ г-жею Санковскою, если она вздумаетъ оставить здѣшнюю сцену.

И. Ев.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Редакціи газеты «Кавказъ» продаются слѣдующія, недавно вышедшія книги:

I. БЛОКАДА КАРСА, — письма очевидцевъ о походѣ 1855 года въ Азіатскую Турцію. Напечатано на бѣлой бумагѣ, 139 стр., въ 8 д. листа, съ виньеткою, изображающею карсскую цитадель, и планомъ Карса и его укрѣпленій. Цѣна *одна* руб. сереб. съ пересылкою.

II. КАВКАЗЪ ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ, соч. графа В. А. Соллогуба, въ 8-ю д. листа, 48 страницъ. Цѣна 50 коп. сереб. съ пересылкою иногороднымъ.

Парикмахеръ I. ХАРГДЗЕЛОВЪ имѣетъ честь извѣстить, что на Ханской улицѣ, въ домѣ Хааатова, въ залѣ А. Шахназарова, желающихъ завиваютъ, стригутъ и бръютъ по добровольной платѣ.

1.

ПРІѢХАЛИ: марта 7-го: изъ Закаталъ полковникъ *Едиаровъ*, изъ Гори титулярный совѣтникъ *Писляевъ*. 9-го: изъ Душета статскій совѣтникъ *Иоселиани* и подполковникъ князь *Эристовъ*, изъ Манглиса капитанъ *Чудовскій*, поручикъ *Кимбергъ*, прапорщикъ *Кимбергъ* и подпоручикъ князь *Химшиевъ*.

ВЫѢХАЛИ: марта 7-го: въ Ставрополь генералъ-майоръ *Рудзевичъ* и капитанъ *Кравцовъ*, на Бѣлый-Ключъ штабсъ-капитанъ князь *Аргунинскій-Долморуковъ*, въ Сигнахъ коллежскій секретарь *Зубаловъ*, въ Ставрополь дѣйствительный статскій совѣтникъ *Крузенштернъ*. 8-го: въ Закаталы губернский секретарь *Александръ-Мещеряевъ*. 9-го: въ Москву тайный совѣтникъ *Щербининъ* и подполковникъ *Сосновскій*, въ Ставрополь полковникъ *Корсаковъ* и штабсъ-капитанъ *Резниченко*.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°.		Сырость воздуха.	Барометръ при 13 1/2 Р°. Русс. полуудн.	Направленія вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реом.	
		Сухой.	Сюч.					Наим.	Наиб.
6-го Марта.	7 утра.	— 0,6	— 2,2	0,66	574,71	СЗ. слаб.	Облачно.	— 1,8	+ 3,6
	1 попол.	— 3,1	± 0,0	0,48	574,09	СЗ. сильн.	Обл. разс.		
7-го Марта.	9 вечер.	— 1,0	— 2,8	0,61	575,45	— — —	— — —	— 3,4	+ 1,5
	7 утра.	— 3,0	— 4,4	0,65	574,97	СЗ. сильн.	Облачно.		
8-го Марта.	1 попол.	+ 1,5	— 1,0	0,54	574,75	ЮВ. слаб.	Облачно.	— 2,9	— 0,5
	9 вечер.	— 1,8	— 2,2	0,90	575,12	ЮВ. слаб.	Пасмур. и снѣгъ.		
8-го Марта.	7 утра.	— 2,4	— 2,5	0,98	573,02	ЮВ. слаб.	Пасмур. и мел. снѣгъ.	— 2,9	— 0,5
	1 попол.	— 0,5	— 1,2	0,84	570,65	— — —	Пасмур. и снѣгъ.		
	9 вечер.	— 2,8	— 3,1	0,92	568,16	Тихо.	— — —		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.